

*Елена
Арсеньева*

ЛЮБОВЬ ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН

*Русские
куртизанки*

Русские куртизанки

Елена Арсеньева

**Путеводная звезда, или
Куртизанка по долгу
службы (Прасковья Брюс)**

«Автор»

2009

Арсеньева Е. А.

Путеводная звезда, или Куртизанка по долгу службы (Прасковья Брюс) / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2009 — (Русские куртизанки)

ISBN 978-5-699-30099-0

Светские дамы сомнительного поведения... Одни из них были влюблены в сам процесс соблазнения и заняты поиском телесных наслаждений. Вторые делали через постель карьеру, совмещая приятное с полезным. Третьи искали в многочисленных связях с мужчинами мистический смысл. Так или иначе, но равных им не было. Они заставляли трепетать мужские сердца и пускались в самые рискованные любовные авантюры. О страстях, взлетах и падениях наперсницы императрицы Екатерины II Прасковьи Брюс, балерины Авдотьи Истоминой, подруги поэтов и писателей Нины Петровской читайте в исторических новеллах блистательной Елены Арсеньвой.

ISBN 978-5-699-30099-0

© Арсеньева Е. А., 2009

© Автор, 2009

Елена Арсеньева

Путеводная звезда, или Куртизанка по долгу службы (Прасковья Брюс)

– Премилый мальчонка, премилый. Это я тебе, Като, точно говорю, как перед Господом Богом клянусь. Ты не ошиблась, Като, нет, ты не ошиблась, у тебя воистину глаз-алмаз, все насквозь, даже через лосины видит.

– Ну, даже через лосины в размере-то ошибиться мудрено... но не токмо ж в одном размере дело! А вот скажи, любезен ли он? Чист ли? Затеялив ли?

– Любезен, говорю же: премилый мальчонка. Ласковенький! И чистехонек, беленький, нежненький, так и съела бы! А что до затейливости... покуда более старателен, нежели затейлив. Но переимчив, толк с него будет при должной науке. Я ему для начала кой-чего показала... так, пустячки пустяковенькие... и скажу тебе, с большой охотой перенял. Перенял, и повторил, и так в раж вошел... удержу потом не было!

– Да? Ты так вкусно рассказываешь, что мне и самой охота до смерти попробовать. А что, смотрел ли его Роджерсон? И каково нашел? Здоров ли?

– Ну, Като, неужто ж я ему далась бы, коли Роджерсон не засвидетельствовал бы телесное здравие и не дал твердого зарока, что никаких дурных хворостей за нашим красавчиком не водится?

– А подлинно красив, верно? Глаза... какие глаза! Колдовские очи! Поглядит – словно туман черный тебя так и покроеет, голову одурманит. Волосы, ах, эти кудри черные... Сложение – словно у античного бога, профиль греческий, губы твердо высечены, чело беломраморное...

– Не токмо чело, но и тело у него вполне беломраморное. Хорош, по всем статьям хорош мальчонка! Не пожалеешь, коли приблизишь его. Яблочко сладенькое, румяное, ах...

– Ты, Прасковья, больно уж нахваливаешь его. Вот-вот слюнки потекут! Не влюбилась ли?!

– В такого влюбиться немудрено. Но ты же знаешь, Като, я на службе – ни-ни! Да и что проку влюбляться-то? Что я против тебя? Разве я тебе соперница? Ты ж ко мне не ревнуешь? И правильно! Кабы не я, разве был бы у тебя Гришка, этот подлец? Кто его первой распробовал? Я! Помнишь, он волочился за Еленой Куракиной, любовницей Петра Иваныча Шувалова, да заодно, павиан беспутный, меня искушал? И как искушал! То груди все исщиплет, так что косыночкой декольте прикрывать приходится, то схватит в укромном уголке, зажмет – и ну целовать! Таких засосов на шее понаставит, что никакими ожерельями не прикроешь! Только бодягой и спасалась, этой бодяги у меня горничные девки чуть не бочками запасали! То поцелуев ему мало: прямо за шторкой где-нибудь поставит раком, юбки на голову забросит – и ну нажаривать! Аж ноги подгибались!

– Ты *мне* рассказываешь, как нажаривал Григорий? Мне? Да кто ж лучше моего знал об этом?

– Твоя правда, Като, а все же приятно вспомнить, что не кто иная, как я, обратила твое внимание на сего Геркулеса... Да что Орлов! Он далекое прошлое! А светлейший, милый друг наш? Помнишь ли, крепость сия никак не желала сдаваться? Я колеса кареты до ободьев разбивала, туда-сюда вокруг его жилища езживая! Чуть почуяла малую брешь в обороне противника – и туда! А потом, расширив сию брешь до размеров триумфальной арки, и тебя, государыня, туда провела. Пала сия крепость пред тобой, сдалась она без боя! Я и теперь для тебя радею, какая может быть любовь?! Нет смысла ревновать!

– Да не ревную я, нет, успокойся. Знаю – ты меня не обманешь! А скажи еще, чем хорош наш царь Эпирский?

– Это кто ж таков?!

– Новое прозвание будет для нашего сердешного друга. Он бел, как эфирский мрамор, а красота его достойна престола. Значит, будет царь Эфирский!

– Мудрено больно, да ладно, Като, как скажешь. Царь так царь, Эфирский так Эфирский. Эка лиса наша хитра оказалась, прямиком из своей норы – да в царские палаты!..

Так судачили меж собой неким декабрьским вечером 1777 года две высокопоставленные дамы, близкие подруги. Одна из них звалась Екатериной Алексеевной, вторая – Прасковьей Александровной. Знакомы меж собой они были уже много лет, чуть ли не тридцать, поскольку обе уже оставили далеко позади свою первую молодость. Встретились подруги, когда Екатерина Алексеевна покинула родительский приют и переселилась в дом к своему будущему супругу. Правильнее, впрочем, будет сказать не в дом, а во дворец, потому что супругом этим должен был стать не кто иной, как наследник русского престола цесаревич Петр Федорович, ну а его невестой была – юная герцогиня Софья-Августа-Фредерика Ангальт-Цербтская, будущая государыня, спешно переkreщенная в православие, переименованная Екатериной и окруженная многочисленными русскими фрейлинами, назначенными для того, чтобы скромненькая герцогиня-бесприданница как можно скорей привыкла к своему новому положению и среди роскоши и веселья русского двора изгнала из памяти всякое воспоминание об унылом дворе своего папеньки.

Прасковья Румянцева оказалась самой что ни на есть подходящей компаньонкой для принцессы. Во-первых, они были ровесницы, а во-вторых, внешностью и нравом напоминали друг дружку, словно девушка, подошедшая к зеркалу, и ее отражение. Обе русоволосые, с яркими голубыми глазами, с изящными фигурами, обещавшими вскоре сделаться роскошными и прельстительными, они превыше всего ставили собственное удовольствие, обожали всяческие авантюры и были на редкость сластолюбивы. Но все же в Екатерине ум если не преобладал над чувственностью, то мирно уживался с нею, а вот Прасковье, когда речь заходила о мужчинах, ум отшибало начисто, она думала не головой и даже не сердцем, а тем премилым местечком, которое находится у женщины сами знаете где и создано Творцом для того, чтобы низвергать в бездны адские и возносить в выси райские тех мужчин, которым удастся протопить туда дорожку.

Следует сказать, что на дорожке к Прасковьиному потайному садику никогда не тянулось навтыяжку суровых часовых, шлагбаум был всегда поднят, более того, можно сказать, что над входом в сей садик висел красочный транспарант с надписью: «Добро пожаловать, господа!»

Прасковья Румянцева происходила из старинной русской семьи, щедро приправленной изысканной иноземной кровью, поэтому императрица Елизавета, которая весьма придирчиво подбирала фрейлин для будущей цесаревны, просто не могла не остановить на ней своего выбора. Хотя бы потому, что родословная Прасковьи Александровны Румянцевой выглядела куда более внушительно, чем у самой императрицы Елизаветы Петровны, а государыня умела ценить фамильную древность.

Прасковья Румянцева приходилась сестрой графу Петру Александровичу Румянцеву (впоследствии получившему прозвание Задунайского и титул фельдмаршала), отцом которого, как втихомолку уверяли, некогда сделался сам Петр Великий. По материнской линии Прасковья происходила из семьи Андрея Артамоновича Матвеева, видного дипломата петровского времени, сенатора и президента Юстиц-коллегии. Супругой Андрея Артамоновича была княжна Марфа Федоровна Барятинская из рода Рюриковичей, некогда восседавших на российском престоле и сошедших с него после смерти царя Федора Иоанновича, малоумного сына Ивана Грозного.

Прабабкой Прасковьи Александровны была светлейшая княжна Евдокия Григорьевна Гамильтон, находившаяся в дальнем родстве с королевским домом Стюартов в Англии и дина-

стией Капетингов во Франции. Ежели бы мы взялись сейчас проследить эту связь в глубь веков, то обнаружили бы, что Прасковья Румянцева была в прямом родстве с Анной Ярославной, королевой Французской, а через нее и с равноапостольными святыми: великой княгиней Ольгой и великим князем Владимиром... но мы не станем тратить время на разгребание слежавшейся пыли веков, скажем только, что буйная кровь святого грешника князя Владимира в Прасковье явно сказывалась... А теперь обратимся к временам более близким – 50-м годам XVIII столетия, когда хорошенькая фрейлина Парашенька Румянцева подружилась с хорошенькой принцесской Фике, пардон, великой княгиней Екатериной Алексеевной, и вскоре сделалась ее ближайшей confidentкой.

Хоть умные люди уверяют, что дружба двух красавиц редко бывает безоблачна, но все же злые языки судачили, будто дружба этих двух барышень оказалась слишком уж нежна и близка для невинной девичьей дружбы... однако эти слухи доносятся из времен позднейших, уже более извращенных, а при русском, довольно-таки патриархальном, еще не вполне оевропеившемся дворе Елизаветы Петровны слабо верили в возможность лесбийских забав. Правда, в бытность императрицею Анны Иоанновны что-то такое судачили насчет ее воспитанницы и будущей императрицы Анны Леопольдовны и ее любимой фрейлины-подруги Юлианы Менгден... Но Бог с ними, с Аннами, Юлианами и лесбийскими забавами, одно в связи с этим можно сказать: если даже Екатерина и поиграла немножко в запретные игры с Прасковьей, никакого ущерба сексуальной ориентации, как мы теперь выразились бы, обеих молодых красоток это не нанесло: что та, что другая более всего в жизни ценили общество мужчин и стремились к самому тесному общению с этими самыми мужчинами.

Когда у Екатерины, заброшенной и не любимой мужем, будущим императором Петром Федоровичем, от тоски и скуки сделался роман с красавцем Андреем Чернышовым (забегая вперед, следует сказать, что все ее любовники были красавцами, а оттого это непереносимое словечко можно и опустить, не то оно слишком часто и даже назойливо будет повторяться в нашем повествовании!)... когда у Екатерины, стало быть, сделался роман с этим очень-очень симпатичным камер-лакеем (к слову сказать, дворянином и прапорщиком – так что классовое чутье у Екатерины не притупилось, нет!), она некоторое время боялась дойти в отношениях с ним до последней крайности. Нет спора, мелкие немецкие дворы трудно было назвать образцами нравственности, да и двор Елизаветы Петровны даже слепоглухонемому нравственным не показался бы, но у Екатерины долгое время сохранялись иллюзии относительно своей семейной жизни. И отважилась она на «падение» лишь после того, как окончательно уверилась: ее законный супруг предпочтет ей самую последнюю уродину императорского двора, и чем уродливей, тем еще и лучше! А Екатерине так хотелось изведать сладости любовных объятий... В том, что объятия Андрея всенепременно будут сладостны, убедила ее именно Прасковья Румянцева, которая, выражаясь языком библейским, «виноградника своего не сберегла» уже давно, причем Андрей был для этой семнадцатилетней бледешки (ну давайте же хоть иногда будем называть вещи своими именами, а то всё куртизанки да куртизанки, гетеры да гетеры, тьфу, прости, Господи!) отнюдь не первым.

Итак, сообщив Екатерине самые достоверные и любопытные сведения о Чернышове, Прасковья вскоре удостоилась чести оберегать тайные свидания своей госпожи, и делала она это очень хорошо: никто и не подозревал о свершившейся «государственной измене»! Однако случилось так, что Прасковья заболела, и сторожевые обязанности исполнять стало некому. Печальное следствие сего не замедлило сказаться: камергер Петра Федоровича, граф Девиер, застал любовников в спальне Екатерины в самой недвусмысленной позе, о чем было незамедлительно доложено императрице.

Грянула гроза: Андрей и его братья, тоже служившие у цесаревича Петра, были арестованы, просидели два года в заключении, а потом отправлены на службу в отдаленные полки. Андрей, к примеру, загремел аж в Оренбург, в степь глухую! Заодно с Чернышовыми получила

отставку и фрейлина Марья Симоновна Чоглокова, нарочно приставленная следить за нравственностью будущей императрицы: держать и не пущать! Чоглокова была с Екатериной более чем строга... но вот надо же, такая оплошка вышла!

Прасковья же Румянцева, выздоровев, оказалась чиста и невинна перед государыней и будущим императором. Ведь при допросах Екатерина, ее любовник и прочие вольные и невольные соучастники этой истории держались стойко, отводили глаза, прятали концы в воду, молчали мертво о времени, когда связь началась, – и, таким образом, Прасковья оказалась как бы ни при чем, вышла сухой из воды и вновь воротилась на свое место – к Екатерине Алексеевне, которую она уже тогда начала называть запросто – Като. Вернее, не сама начала, конечно, а получила на это высочайшее дозволение.

Хоть острастка, полученная Екатериной, была сурова, она вовсе не заставила ее распроститься с жадой телесных удовольствий. Тем паче что императрица жаждала прибавления семейства цесаревича, а при тех отношениях, которые сложились между молодыми супругами, этого можно было ждать до морковкина заговенья. Елизавета в строгой тайне призвала перед свои ясные очи двух молодых и удалых господ – сексуального Сергея Салтыкова и шута горохового, милашку-обаяшку Льва Нарышкина – и без околичностей объяснила, какая пред ними стоит важная государственная задача. Приятелям самим предстояло решить, кто станет premier amant, первым любовником, у великой княгини.

Конечно, чувство юмора у Екатерины было отменное, однако она предпочитала в постели уж лучше Вольтера или Монтескье читать, чем хохотать, а потому победу легко одержал Сергей Салтыков. Левушка Нарышкин (ну никак невозможно было его называть иначе!) умылся слезами, не стерев при этом улыбки со своей симпатичной физиономии – словно чувствовал, плутишка этакий, что когда-нибудь и его черед настанет! – и посторонился, оставшись верным другом как Салтыкова, так и Екатерины, а тем временем близко, ближе некуда, подружившись с Прасковьей, которая Салтыкова тихо недолюбливала и только и ждала, когда он провалится.

Вот уж кто обрадовался, когда завершился сей роман Екатерины, так это Прасковья! Конечно, Салтыков был хорош собой и сослужил службу Русскому государству немалую, даровав (очень вероятно, правда, генетической процедуры за давностию лет провести уж невозможно, а жаль!) русскому престолу наследного царевича Павла Петровича, однако человек он был легкомысленный и исчислял свою доблесть количеством одержанных над дамами побед.

Ну что ж, Прасковья очень жалела подругу, которая сокрушалась сердцем из-за такого откровенного изменщика. Фрейлина Румянцева проследила, где Сереженька обычно назначает свидания графине Марье Измайловой, одной из дам своего широкого и глубокого, очень приемистого сердца, – и, словно невзначай, провела туда Екатерину прогуляться. Подруги оказались рядом как раз вовремя, чтобы расслышать сладострастные рулады любовников и увидеть полный набор услуг, которые Салтыков оказывал хорошенькой фрейлине.

Прасковья облизнулась – нет-нет, Салтыков был категорически не в ее вкусе, но она просто органически не могла не возгореться желанием при виде столь отменной боевой оснастки! – и с любопытством уставилась на великую княгиню. Ей давненько хотелось узнать, ревнива ли будущая императрица, жестокосердна ли, мстительна ли. То есть кое-что о характере Екатерины Прасковья уже знала, но еще не все точки над *i* были расставлены.

Что и говорить, чело Екатерины омрачилось. Она вздохнула, губы искривились, и Прасковья замерла, ожидая услышать или горестные стенания (значит, слаба сердцем будущая государыня, горько же ей в жизни придется!), или гневный вопль (значит, жестока, и, стало быть, горько придется тем, кто рядом с ней), однако по губам Екатерины пробежала только печальная усмешка, а потом Като сказала, взяв подругу под руку:

– Скушно мне, Прасковья. Развлеки меня!

Именно в то мгновение, признавалась позднее Прасковья Александровна, она и поняла, сколь сильную личность видит перед собой, именно тогда прониклась к Екатерине горячей преданностью и дала слово никогда, ни в чем, ни за что ей не изменить.

Ну что ж, будущее проверит, сколь прочно держала Прасковья это слово... но не станем забегать вперед!

– Развлекь тебя, Като? – расцвела Прасковья в улыбке. – Да изволь! Нынче же вечером, коли велишь!

Нынче же вечером из спальни великой княгини тайно выскользнули две фигуры – в мужских костюмах, однако слишком узкоплечие и широкобедрые для того, чтобы принадлежать мужчинам, – и прокрались через сад к тайной калиточке, возле которой их ожидала невзрачная карета.

Кучер фамильярно приподнял шляпу:

– Наше вам, дорогие дамы! Извольте садиться, домчу с ветерком!

Если бы в сей миг рядом случился человек, знакомый с придворным кругом, он непременно сказал бы, что голос сей принадлежит Льву Нарышкину... а впрочем, поскольку лицо кучера было закрыто маской, а волосы – париком, ничего утверждать наверняка было невозможно. Кстати, лица седоков были тоже закрыты масками, поэтому оставалось загадкой, как и почему кучер назвал их дамами.

Однако Бог с ними, с загадками, проследуем дальше за каретою, которая промчалась по темным, сонным улицам Санкт-Петербурга и остановилась около дома гофмаршала Александра Александровича Нарышкина, кузена веселого Левушки. Александр Нарышкин был женат на Анне Никитичне, урожденной графине Румянцевой, близкой родственнице Прасковьи. В Санкт-Петербурге ходили слухи, что дом Нарышкина для гостей всегда открыт – впрочем, как и его супружеское ложе...

У Нарышкина частенько собирались сестры гофмаршала, Мария и Наталья, – две отъявленные искательницы любовных приключений. Они всегда приводили с собой какого-нибудь интересного молодого человека, который желал взять несколько уроков в галантном обращении с дамами на балу, в беседе или же в постели. Хорошенькие сестрички никому и никогда не отказывали, и таким образом, чуть не весь молодой Петербург перебивал в числе их учеников.

Нынче здесь оказался граф Станислав Понятовский, недавно приехавший из Варшавы.

Кучер, снявши маску, и впрямь оказался Львом Нарышкиным, однако гости – вернее, гости – предпочли сохранить инкогнито и остались в масках. Любезная хозяйка называла их «дорогие иноземки», и, даже если у нее и возникли какие-то мысли о том, кто пожаловал нынче в ее гостеприимный дом, она держала эти мысли при себе.

Левушка веселился, называл Понятовского польским шпионом, обещался непременно донести государыне о его враждебной деятельности, а между тем «шпион» мало внимания обращал на его болтовню, потому что увлекся переглядками с одной из приезжих «инозенок».

Подали вина, начались совсем уж веселые и фривольные разговоры... как-то так получилось, что Понятовский и неизвестная гостья сначала сели рядышком, а потом прошли посмотреть, что за мебель стоит в соседней комнате, каковы мягки там кушетки да диваны...

Вторая дама проводила их завистливым взором, который не остался незамеченным хозяйкой.

– Что-то ты невесела, Прасковьюшка? – ласково промолвила Анна Никитична Нарышкина. – Неохота замуж, да?

– Ой, неохота, – тяжело вздохнула та, снимая маску и впрямь оказываясь не кем иной, как Прасковьей Румянцевой. – Жарко в личине, передохну. Налей мне вина, Аннушка, посоветуй, как быть. Сама знаешь, кого мне сватают.

– Слышала, слышала, – кивнула Анна Никитична. – Ну что ж, Брюсы – род хороший, у императрицы на добром счету, да и жених твой, Яков Александрович, богат, собой пригож, молод...

– Моложе меня! – поджала губы Прасковья. – На три года моложе! Мне двадцать два. Ему девятнадцать. Был бы хоть ровесник, а то мальчишка! Мне по нраву мужчины значительные, умудренные летами и опытом.

– Ничего, это пройдет! – засмеялась ее родственница. – Поверь мне, ты еще оценишь молодость и пылкость, настанет время, когда тебе не то что три – двадцать три года разницы покажутся сущим пустяком! А Брюс тебе в самый раз. Беда в том, что он простоват, мужиковат, умом не слишком крепок...

– Да разве ж это беда? – пожала плечами Прасковья. – Кто сказал, будто муж умен должен быть?! Небось дураком управлять проще. Пожалуй, ты права: пойду за Якова Александровича! Он ведь еще чем хорош? Вояка! То и дело в полку. Что может быть лучше супруга, которого дома днем с огнем не найдешь? Так и быть, скажу маменьке, согласна, мол. Потом быстренько рожу Брюсу сына или дочку – да и с плеч долой! Снова стану жить в свое удовольствие!

Сказано – сделано! Вскоре была сыграна свадьба Якова Брюса и Прасковьи Румянцевой. Великая княгиня Екатерина Алексеевна прислала дорогой подруге богатые подарки и сама почтила своим присутствием ее свадьбу, однако ж сильно по ее отсутствию во дворце не печалилась: после той достопамятной встречи начался ее бурный роман с обворожительным поляком Станиславом Понятовским, и этот роман на долгое время поглотил ее целиком и полностью, ну а во дворце их отношения сделались притчей во языцех.

Тем временем Прасковья, как и обещала, проворно родила дочку, которую – понятно, в честь кого, – назвала Екатериной (великая княгиня была восприемницей младенца и крестной матерью), и, поскорей передав ее на попечение мамок-нянек, вернулась к своим фрейлинским обязанностям, вновь прочно утвердись при великой княгине на положении ближайшей подруги и confidentки. Супруг, граф Брюс, не возражал, ибо вскоре после свадьбы, едва успев обрюхатить жену, отбыл в качестве волонтера на театр боевых действий – как раз началась война Франции с Пруссией, и вот во французской-то армии Яков Александрович пожелал служить. Оно конечно, тотчас после свадьбы очертя голову, добровольно кинуться напрямик в пасть кровавым псам Беллоны... воля ваша, как-то оно этак... неловко... наводит на некие размышления... Ну что же, пусть кто что хочет, тот то и думает, зато у Прасковьи теперь оказались вполне развязаны руки. Муж далеко, что хочу, то и ворочу! Она была теперь назначена статс-дамой малого двора и стала во главе целого штата молоденьких фрейлин, беззаветно преданных Екатерине, посвященных во множество ее тайн – вполне, впрочем, прозрачных... – однако готовых молчать о них даже под пытками. Что и говорить, Екатерина умела возбуждать в людях преданность к себе, а Прасковья умела, где лаской, где таской, преданность эту поддерживать и дисциплинировать. Сам великий князь Петр Федорович, большой поклонник строжайшей прусской муштры, не единожды говаривал: из графини, мол, Брюс вышел бы хороший полковник, – однако если он думал, что этим комплиментом сможет снискать расположение Прасковьи Александровны, то зря старался: забота об интересах Екатерины Алексеевны составляла весь смысл ее существования, и пеклась она об этих интересах со всем мыслимым и немыслимым старанием.

Как-то раз графиня Брюс сидела в беседке дворцового парка и наблюдала, как две фрейлины играли с маленькой болонкой. Внезапно она загадочно произнесла:

– Да! Болонки – это коварнейшие из созданий!

– Господь с вами, Прасковья Александровна! Что может быть коварного в этой миленькой собачонке? – удивилась одна из девушек.

– Вы, наверно, уже наслышаны о романе Екатерины Алексеевны с графом Станиславом-Августом Понятовским? – тихо спросила Прасковья.

– А то! Об этом весь двор говорит.

– Так вот, Екатерина Алексеевна и граф поначалу держали роман сей в глубочайшей тайне. А раскрыт он был самым невероятнейшим образом.

Девушки с любопытством уставились на нее. Прасковья продолжала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.